

ЛЮБОВЬ.
КОНТРОЛЬ.
ОДЕРЖИМОСТЬ.

АНАТОМИЯ ОДЕРЖИМОСТИ

ОНА ВИДЕЛА ЕГО НАСКВОЗЬ.
ОН ХОТЕЛ ПОГЛОТИТЬ ЕЕ ЦЕЛИКОМ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АВТОР
Encanto9

Encanto 9

Анатомия одержимости

«Автор»

2026

9 Е.

Анатомия одержимости / Е. 9 — «Автор», 2026

Она — студентка-криминалист, которая видит людей насквозь. Он — сын её новой мачехи, который два года не подпускает к себе никого. Одно разорванное свадебное приглашение, одно случайное объятие — и начинается расследование, где главный подозреваемый — её собственное сердце. Эту книгу можно не только читать. Её можно смотреть. Я превратила роман «Анатомия одержимости» в мини-сериал: живые сцены, лица, атмосфера, дождь за окном, бордовый Камаро на трассе и тот самый взгляд снизу вверх — всё это теперь существует не только в вашем воображении, но и на экране. Где смотреть: мой Instagram — @el_suenos9 Формат: мини-сериал по мотивам романа Новые эпизоды — регулярно, по мере выхода глав

© 9 Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Приглашение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Encanto 9

Анатомия одержимости

Глава 1: Приглашение

Алиса ненавидела ездить по Рублёвке в субботу.

Ни пробки, ни дорогие внедорожники, ни этот сверкающий показной мир ей никогда не нравились — а сегодня и подавно. За окном клёны уже оделись в медные листья, а внутри бордового «Камаро», пахнущего пролитым кофе, кожей сидений и едва ощутимым бензином, Алису не отпускала мысль: всё равно не её это утро. Машину — шикарную по меркам былых лет, с потрескавшимся лаком и капризной коробкой передач — подарил ей отец на совершеннолетие. Без лишних церемоний: *«Держи ключи. Но за ремонт сама отвечаешь.»* Она тогда даже не попыталась спорить — хотя могла бы.

За рулём она сама решала, куда ехать и когда возвращаться. Сегодня свободы хотелось снова, но отец попросил — и она поехала туда, куда не хотела.

За рулём этого хулиганского авто она впервые по-настоящему почувствовала себя свободной. Когда хочется — уехала; надоело — вернулась; и никто тебе не указ. Правда, сегодня желание развернуть машину прямо посреди дороги было чуть ли не сильнее, чем когда-либо за эти четыре года самостоятельной жизни: учеба, дипломная работа в лаборатории, какая-никакая карьера криминалиста (в профессии наконец-то никто не спрашивал, чья она дочь) — всё это выстраивалось исключительно по её правилам. Но стоило отцу тихо спросить: *«Ты ведь не против?»*, как вся эта внутренняя броня тут же рассыпалась.

Она понимала свою слабость очень чётко. Не страх проиграть в споре, не боязнь быть пойманной на какой-то ошибке... Нет. Это выражение лёгкого разочарования во взгляде Виктора Сергеевича испытывала на себе с детства — мимолётное, едва заметное, но достаточно холодное, чтобы на несколько часов он становился словно чужим человеком. Уступать ему — привычка давнишняя

Теперь осталось ехать сорок минут до очередного бездушного особняка на Новой Риге. Навигатор упирался: сорок минут туда и столько же обратно — и всё ради одного конверта для Марка Волкова. Лежит этот толстенький кремовый конверт с золотым тиснением на пассажирском сиденье — свадебное приглашение напрямую от новой избранницы отца. Елены. Вроде как будущей мачехи. Если папе вдруг совсем крышу не снесёт на финише.

Сегодня ранним утром за кухонным столом Елена мешала кофе так лениво, словно всё происходящее касается кого угодно, но только не её самой: «Марк живёт там же... Курьеры туда редко суются». Даже глаз на неё поднять не потрудились — понятный сигнал: уговаривать никто никого не будет. Все решения давно за неё приняты.

Любопытно было наблюдать за ней со стороны: слова вроде бы спокойные, а вот в лице мелкая дрожь брови промелькнула — то ли вина перед сыном-маргиналом где-то там шевельнулась, то ли просто опасается трогать старые раны Виктора Сергеевича прямо при Алисе. Поймала её взгляд мельком — и сразу поняла: та не столько ждала реакции или поддержки, сколько искала в её глазах крошечный кивок, который можно было бы принять за разрешение наконец сбросить с плеч этот старый груз. Будто одного молчаливого «можно» хватило бы, чтобы перестать оглядываться на прошлое.

Ей стало любопытно посмотреть на Марка.

Интересно стало взглянуть на того самого Марка лично — парня из семейных баек про «непонятных трудных подростков» (от которых потом уходят матери-летучки Елены), теперь вдруг оказавшегося главным скелетом нового семейства до свадьбы. *Что ж там такого?*

Стоит разобраться без всех этих театральных репетиций про прощение... Ведь для Алисы честнее всего были факты: что отпечатки подошвы совпадают с грязью у порога; что алиби реально подтверждено часами видеозаписи; что улики вообще есть (или их нет). В таких вещах душевные исповеди ценятся ниже самой дешёвой бумаги.

Человеческую природу она ещё со школы пыталась изучать — угадывать мотивы по одной случайной улыбке или по тому самому нервному движению ключиц при вопросе *«всё в порядке?»*. Только жизненный опыт подкинул неприятный вывод: порой видишь вовсе не человека настоящего, а желаемый образ себя, искусно тобой же созданный для чужих глаз.

С Виктором Сергеевичем такая игра никогда особенно не удавалась: замкнутый человек по природе своей всегда остается закрытой книгой — хоть ты царапай обложку ногтями, хоть задавай самые хитрые вопросы между делом... С Еленой проще вроде бы (слишком гладко рассказывает свою историю этой новой семьи). Однако если жизнь Алису чему-нибудь научила — так это искать те самые шероховатости между строк идеально вычищенных фраз.

Вот уж чего-чего она точно знала про себя: интуиция интуицией, но настоящее становится ясным только после экспертизы реальных следов и обстоятельств. Всё остальное — красивые придумки для внутреннего театра одного актёра за рулём старого «Камаро».

Особняк вынырнул из-за кленов так резко, будто его кто-то только что поставил на идеально подстриженный газон — ни клочка небрежности, ни одной забытой вещи на крыльце. Эти светлые панели, тёмные окна, как взгляд за зеркальными очками: вроде всё на виду, а попробуй пойми, есть там кто-нибудь вообще. Алиса почти играючи отметила три камеры ещё до того, как притормозила у ворот. Дом выглядел абсолютно жилым, но тут не было ощущения жизни — только следы павшей бурей по понедельникам уборщицы и рукава профессиональных садовников.

Впрочем, в домах такого калибра настоящая жизнь редко плещется по фасаду. Она обычно прячется за дверями с двойным замком, для своих.

Высокие ворота, чёрный металл — сюда просто так не заглянешь. А камер... камер хватило бы на небольшую резиденцию какого-нибудь посла, а не обычного любителя шашлыков по выходным. Алиса механически отметила лишние глаза: уже сто раз ловила себя на том, что привычная догадка надежно заставляет мозг пропустить что-то второе и важное сбоку. Природа памяти такая — стоит расслабиться, и ты уже зарываешься в самую банальную версию.

Камаро тяжело притормозил перед воротами: Алиса открыла дверь — звук каблучков разбежался по асфальтовой дорожке эхом (густо, как гул в пустом зале). У домофона пальцы легли на кнопку.

— Алло? — откликнулся бас через динамик. Голос мужской, с акцентом — похоже, Восточная Европа или Балканы; Алиса вслушалась рефлексивно.

— Здравствуйте! Меня зовут Алиса Корнеева. Я от Елены Волковой. У меня приглашение для её сына — Марка Волкова.

Повисло молчание — короткое, но неприятно заметное для таких разговоров пауза.

Вот сейчас он сверяет имена по бумажке или делает звонок дальше по цепочке: «Тут какая-то Алиса пришла». И даёт себе внутренний обет узнать попозже детали – вдруг это действительно правда? А Марк вообще знает о свадьбе или мама решила сделать сюрприз?

— Проезжайте, мисс, — отрезал голос чуть теплее через секунду (решил вопрос наверху или дал шанс лично).

Ворота дрогнули и стали раздвигаться в стороны с жужжанием тяжелого двигателя. Алиса вернулась к машине и медленно въехала во двор. Rolls-Royce ржавел рядом с её Камаро нелепым кораблём старых денег — явно тут кто-то в гостях либо приезжал показать солидность; хотя вряд ли этот дорогуший слонёнок был игрушкой Марка — Rolls-Royce обычно предпочитают уйти к тем, кому дороги фамилия и статус.

Конверт лег в ладонь приятно тяжёлым весом: кожаная куртка — надёжный доспех против чужого взгляда — и шаг к парадному входу широкими ступенями (в таких местах чувствуешь себя либо шпионом из Симмонса, либо героем книги Агаты Кристи).

Особняк оказался гигантом с настроением: две крылатые руки из серого камня; панорамные стеклянные стены смотрели на мир решительно; балкон второго этажа держался тяжёлым железом ковки. *Симметрия была лишь иллюзией: левое крыло громоздилось выше правой части; здесь явно строили в два этапа — менялись деньги или настроение хозяев?* Для Алисы архитектура была делом самодовольных эстетов-перфекционистов: ей были интереснее люди внутри.

Дворецкий встретил её на пороге демонстративно безупречен: высокий взгляд человека без возраста (пятьдесят плюс/минус десять лет и десятилетие опыта тихого наблюдения). Он скользнул по ней таким уровнем внимательности, каким оценивают скорее неожиданный багаж перед долгой поездкой («этот чемодан точно ваш?»), чуть дольше задержал глаза — не угроза ещё, тревога едва приметная для непривычного взгляда.

Алиса уловила момент настороженности: возможно здесь знают о ком-то больше обычного... (Правда потом она поймёт: Григорий всегда так встречал женщин после восьми лет мужского одиночества в доме).

— Мисс Алиса? — еле заметный поклон головы.

— Да.

— Просим пройти. Господин Волков сейчас спустится. Ожидайте его в гостиной.

«Господин Волков» вместо банального «Марк». Не звучало снисходительности в интонации; скорее осторожность или уважение — живёт не парень со сложностями характера и миллионами родителей-разводчиков, а хозяин большого дома с семейными правильностями неправильно сложенной судьбы.

Грубо говоря, если бы к тебе домой зашёл такой человек — ты бы тоже невольно выпрямился.

Гостиная тонула в объёме воздуха четырёхметровых потолков вместе с серьёзными картинами на стенах (настоящими: для них больше смысла было купить что надо хорошему коллекционеру сразу оригинал). Тёмная мебель держалась тяжёлым деревом и кожей для солидности. Лепнина и камин белого мрамора напоминали фильмы про старую Европу богатого класса «А».

Жить здесь одному всё равно что водить Формулу-1 по пустому треку каждый день: можно много времени проводить среди этого пространства только если привык жить бок о бок с тенями прошлого.

Алиса тихо подошла к камину; фотографии населяли полку серебряной стойкой коллекцией раритетов — разглядывать их хотелось спокойно (но дыхание дворецкого почти слышалось за спиной). Она наклонилась поближе к снимкам; Григорий сделал шаг вперёд незаметно чутким человеком-пластырем дома — готов был остановить слишком длинный взгляд посторонней девушки на чужих тайнах семьи.

Снимки говорили прямо:

Отец — мужчина сорока с хвостиком — профиль рыбака соседнего озера (тот же подбородок у Марка), волосы густые тёмные.

Мать красивая и холодная женщина — улыбка как лёд тонкой корки весной.

Мальчик между ними семи-восьми лет — смотрит серьёзно прямо внутрь объектива фотоаппарата; угол снимка подломлен так аккуратно и искренне непрочно одновременно...

«Бедный малыш...» — мелькнула мысль у Алисы прежде, чем отбросить сожаление во внутренний ящик привычного анализа: жертвы или аутисты тут определяются не взглядами матерей на морозе семейных институтов — она сама когда-то позволяла ненаблюдаемому опыту управлять выводами (и представлять себе удобную версию любой чужой драмы).

И тут же за спиной шелестит паркет.

Повернулась на звук...

Он стоял там – наверху лестницы – напряжённо задумавшись о чём-то своём уже давно до того момента как она вошла.

Он всё видел: её открытую настороженность у камина; её попытку читать родословную с полки жизни...

И теперь оба понимали друг о друге немного больше за считанные минуты без слов.

Он следил за мной. Именно это, как раскалённая иголка, вонзилось в мысли Алисы. Как долго? Минуту? Две? А может, целую маленькую вечность в рамках этой комнаты — кто вообще умеет засекаать такие вещи, когда вдруг ловит на себе чужой взгляд?

Она даже испугаться не успела — и вот тут по-настоящему стало жутко. Потому что впервые за долгое время она забыла насторожиться. Там, где инстинкт должен был мгновенно выпустить сигнальную ракету — пусто. И этот провал насторожил сильнее любого хищного взгляда.

Высокий. Смушающая вертикаль где-то под два метра; Алиса слегка выгнула шею, чтобы встретиться с глазами — и всё равно ощущала себя на пару ступеней ниже не только по росту. Плечи широкие, будто кто-то убрал лишнее, оставив только нужное для баланса; талия узкая, спортивная (даже неловко было смотреть так откровенно). И почти полностью раздет! Мозг отметил это сразу и с таким же рвением забыл признать: вот тебе первое впечатление, хотя ей следовало бы фокусироваться на деле.

На нём — только серые шорты для тренировок и ничего лишнего. Сидели нехорошо низко... та самая V-образная линия пресса торчала из-под резинки вызывающе естественно — и Алиса мысленно цыкнула себе: *«Да перестань ты! Глаза — выше».*

Но, конечно, подвоха не избежать: сколько ни повторяй себе «не смотри», а всё равно смотришь.

Его торс не был рекламно-рельефным; здесь не пахло пахотой зала или маниакальным сушением ради фотосессии для Instagram. Скорее — функциональная сила: тело пловца или бойца, где каждая мышца там, где должна быть ещё с подросткового возраста. Подобные фигуры делают не гантели, а жизнь.

Плюс татуировки. Много и сразу, но внезапно организовано: их распланированность вызвала ощущение холста, над которым долго работали. Чёрное анатомическое сердце мелькнуло на груди среди алых потёков так детально и реалистично — будто его владелец отпустил художника всерьёз проникнуть под кожу и даже глубже.

Заклинило профессиональный интерес (куда уж ему деться), и Алиса сама на себя разозлилась: хватит разглядывать работу линий! Следом за сердцем обнаружилась бабочка на плече: чёрная с красной прожилкой по крыльям; символ ли превращения или душа покойника? Она всегда путалась в этих значениях.

Лицо... Ради таких лиц едут через полгорода и мучительно обсуждают с собой оправдания перед зеркалом ("я ведь здесь по делу!"). Сейчас же хотелось оказаться хоть где-нибудь ещё.

Тёмные волосы коротко подстрижены беспорядочно; скуластое лицо с чёткими линиями — как у того человека из тех фильмов, которому никогда не надо никому нравиться просто потому, что он живёт на совершенно других условиях.

И глаза.

С них началось то странное раздвоение в собственном восприятии: будничным криминалист Алиса споткнулась о собственное равнодушие к фото-доказательствам (ах да — угол фотографии!). Эти глаза были пугающе пусты не от слабости или усталости, а по причине внутреннего пепла (как если бы внутри уже случился пожар). Глядели этими глазами сквозь неё и мимо неё одновременно; казалось, что он рассматривает вопрос без субъекта — как будто

её существование на другом конце оптики ничего особо не значит... Или вдруг прямо за её спиной скрыто нечто куда более существенное.

Алисе понадобилось пару секунд потрясти аналитический мозг: собралась оценить позу.

Плечи твёрдо подняты; челюсть зажата настолько явно, что стало больно просто смотреть; левая рука упрятана в кармане — контролирует себя железной хваткой. Но зачем? Она поймала себя на попытке подобрать диагноз и махнула рукой: пусть останется вопросом.

Рядом с этим человеком быть собранной становилось задачей посложнее экзаменационной предполагаемой профессии. Люди бывают привлекательными до раздражения — особенно если прекрасно знают о своих эффектах... А этот ещё упорно притворяется закрытым и абсолютно недостижимым.

В двадцать два ты знаешь цену своим соблазнам и реакциям... по идее должны знать. Но почему — чёрт возьми! — рядом с ним все эти алгоритмы трещат?

Никто из прошлых поклонников (или почти никто) даже близко не смотрел так пронизательно... Не оценивает тебя как объект симпатии — скорее вычисляет неизвестную переменную о твоём месте во всей этой задаче.

А ну-ка стоп! Тебе дали конверт — будь любезна отдай его без сцен психологической самодеятельности!

Но вот же она стоит напротив... И никак не может оторваться.

Он тоже молчит и пристально смотрит обратно.

Во взгляде нет ничего определённого: ни откровенного интереса; ни усталости; ни презрения... Только тошнотворное какое-то ощущение голода (будь у эмоций запахи — пахло бы озоном после грозы).

И делает паузу длиннее той нормы общения между двумя совершенно незнакомыми взрослыми людьми...

В горле становится тесновато (кафедрально сухо).

Держать себя в руках удаётся плохо — ладони начинают предательски мокреть от напряжения.

Беспомощность честно бесит.

Когда именно судьба выбрала этот день для встречи с максимально сложным вариантом мужчины? Широкоплечий татуированный исповедник молчания — явно не из числа тех, кого убежишь, переселив в низком этажом позже...

— Ты кто? — раздался его голос.

Этот голос — будто нож насухо вытащили из ножен: хриплый рокот давно немолчанной груди — такое случается у курильщиков или тех... кто много слишком молчит специально.

Алиса моргнула два раза подряд (кажется, минуту назад забыла моргать вообще).

Да он обращается ко мне!.. Реальность возвращается медленно: оказывается можно растеряться просто из-за тембра чужого голоса!

— Меня зовут Алиса, — старается держать голос ровно как железную линейку — Я от Елены... У меня для тебя приглашение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.